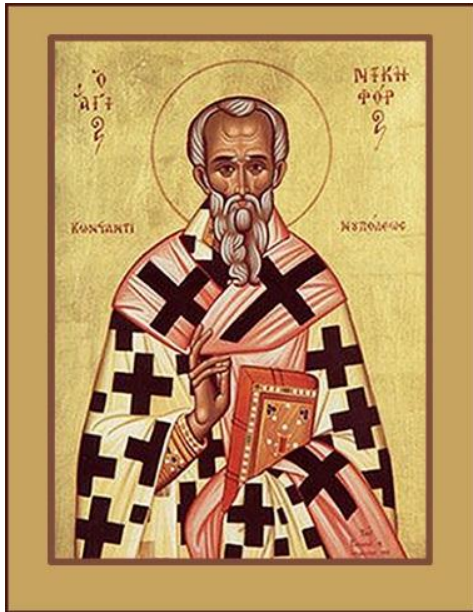

Память 15 июня (ст.стиль 02 июня)

Житие во святых отца нашего Никифора Исповедника, патриарха Цареградского

Великий поборник благочестия, святой Никифор родился в Царьграде¹ от благочестивых и богобоязненных родителей Феодора и Евдокии. Отец его сподобился исповеднического венца, потерпев раны и изгнания за почитание святых икон. В царствование Копронима² он занимал должность нотариуса³ по тайным царским делам, и на него к злочестивому царю поступил донос, что он благочестиво почитает святые иконы, поклоняется образу Спасителя, Пречистой Богоматери и всех святых. Царь немедленно призвал к себе блаженного Феодора, подверг его допросу и, убедившись в справедливости доноса, долго принуждал его оставить иконопочитание; когда же раб Христов не оказал повиновения царской воле, то после жестоких побоев, был сослан на заточение в город Молин, брошен здесь в ужасную темницу, в которой и страдал за правоверие.

Спустя несколько времени, его снова призвали в Царьград и еще упорнее понуждали склониться к ереси, проповедуемой царем; но он остался как адамант⁴ твёрдым в благочестии, соглашаясь скорее принять раны и смерть, чем нарушить церковные законы и предание святых отцов. По повелению беззаконного царя он снова был подвергнут различным жестоким мучениям, и снова же послан в изгнание; проведя в Никее⁵ узником и страдальцем шесть лет, он отошел ко Господу в вечную свободу блаженной жизни.

Супруга его, честная Евдокия, была участницей всех бед и зол своего мужа, последовала за ним в изгнание, страдала в узах, не разлучаясь с ним ни телом, ни духом. По кончине мужа она возвратилась в Царьград и богоугодно проводила дни свои, как подобает христианской вдовице. В течение этого времени сын ее Никифор после изучения наук получил при царском дворе должность отца своего. Затем блаженная Евдокия сподобилась увидеть своего сына сначала в ангельском образе, а потом и святительском сане; тогда, возблагодарив Бога, она удалилась в женский монастырь, постриглась в иночество и после богоугодных подвигов преставилась ко Господу в маститой старости.

Блаженный Никифор, о котором наше слово, был святою ветвью от святого корня: от сосцов материнских воспитанный в благочестии, возвращенный в добронравии и наставленный на богоугодное житие, он проводил лета юности целомудренно, в великом воздержании, и был исполнен премудрости внешней и внутренней - мирской и духовной: он изучил в совершенстве не только книги еллинских любителей мудрости, но и Божественные Писания; красноречивый оратор, украшенный всякими добродетелями, отличавшийся разумом и добронравием, он был любим и почитаем всеми. Возмужав, Никифор в царствование Льва, сына Копронимова⁶, был удостоен сана царского советника и соблюдал правоверие посреди зловерных, поклоняясь святым иконам и других приводя к тому же богомудрыми увещаниями. Когда же, по смерти Льва, в царствование его сына Константина и матери последнего Ирины⁷ созван был в Нике седьмой Вселенский собор против иконоборной ереси⁸, тогда блаженный Никифор, будучи еще мирянином, оказал существенную помощь заседавшим на соборе святым отцам, как человек мудрый и весьма сведущий в Божественном Писании; как мужу выдающейся знатности, ему было поручено говорить на соборе от имени царя.

Таким образом, еще до епископства он явил себя исповедником и учителем православия, посрамляя еретиков при решении спорных вопросов, за что и ублажали и благословляли его святые отцы собора.

После того собора, Никифор еще несколько лет оставался в мирском почетном сане царского советника. Потом, убедившись, что труд для суетного и мятежного мира не приносит пользы душе, - он видел, что во дворце начинаются раздоры между сыном и матерью, - Никифор, пренебрегая суетной славой, оставил высокий сан, удалился из города и поселился на одном дальнем и безмолвном месте при Босфоре Фракийском⁹, там он начал уединенно трудиться для одного Бога, в молитвах и посте стремясь к своему спасению. По прошествии некоторого времени он построил церковь, собрал иноков, образовав монастырь; сам еще не нося иноческого чина, уже трудился он как инок, испытывая себя, может ли переносить подвиг иноческий, полный скорбей, жизни. И жил он так много лет почти до половины царствования Никифора¹⁰.

По отшествии ко Господу святейшего патриарха цареградского Тарасия¹¹, блаженный Никифор, мирянин по внешнему виду и совершенный инок по жизни, был избран на патриаршество и в то время впервые принял чин иноческий, а затем сначала был рукоположен во пресвитера, а потом, против своего желания и по убеждению царя Никифора, в самый пресветлый день святой Пасхи был возведен на престол архиерейский. И украшал он святую Церковь учительным словом и добродетельным житием, исправляя развращенных, утверждая правых и отгоняя еретиков как волков от словесного стада. В те годы шла война у греков с болгарами, и царь Никифор, отправившись на войну, был убит. После него царствовал сын его Ставрикий, но недолго, всего два месяца, потом умер. После Ставрикия принял царство благочестивый муж Михаил, прозываемый Рангав, который ранее имел сан киропалата¹². Через два года его изгнал Лев Армянин¹³, похитивший скипетр греческого царства. Святейший Никифор послал к этому хищнику, до венчания его на царство, епископов с исповеданием православной веры, прося нового царя подписать своею рукою, по обычаю прежних благочестивых царей, обещание содержать неизменно догматы святой веры, изложенные в том исповедании. Лукавый и лицемерный царь на словах показал себя усердным к благочестию и обещался подписать исповедание, но только не ранее венчания:

- Когда, - сказал он, - будет на меня возложен венец царский, тогда подпишу.

И поверили этой лисице. Вместо исповедания благочестивой веры льстец подписал тайно принесенную ему еретиками книгу, повинуюсь более подобным себе хищным волкам, чем истинным пастырям. Потом с великою пышностью и славою царскою вошел он в соборную Софийскую церковь; когда же совершался обычный чин венчания царского, и святейший патриарх возлагал венец на голову, его недостойную, открыл Бог святейшему патриарху, каков будет этот царь: ибо возлагаемый царский венец превратился в руках патриарха как бы в венец терновый и остриями болезненно колол руки архиерея, который познал, что это служит знамением предстоящего вскоре гонения и мучительства от того царя, о чем с душевным сокрушением и известил свой клир.

На другой день по венчании, святой Никифор снова просил царя исполнить обещание и подписать исповедание правоверия, следуя примеру прежних благоверных царей, но Лев уже вступил на путь лжи и, оскверняя царскую порфиру, решительно отказался исполнить предложение святителя. Прошло несколько времени, и царь начал явно хулить святые иконы, вооружившись не против врагов, отовсюду наступавших на Грецию и опустошавших ее, но против икон Христа, Пречистой Богородицы и всех святых, и против поклоняющихся им. Собрав к себе в Царьград всех епископов и пресвитеров, за разные вины по правилам отлученных от служения у божественного алтаря, он дал им места в царских палатах, и, питал их как откармливаемых зверей, он снискивал через это расположение тех, имя которых чрево¹⁴; царь часто беседовал с ними, поучаясь иконоборной ереси, и советовался, какими бы способами восстановить хульный догмат против икон, отвергнутый седьмым Вселенским собором. Чтобы удобнее склонить их к

единомыслию с собою, он обещал им не только вернуть прежние звания, которых они были лишены, но еще и увеличить им почести. Надменные милостью царя, они начали усердно помогать ему, всюду тревожа преследованиями правоверных. Именем царя они собрали из всех мест бесчисленное множество книг и сообща рассматривали их; и если находили какую-нибудь книгу еретическую, написанную против икон, ту принимали охотно, как честное Евангелие, и хранили у себя, а если встречалась книга, написанная против иконоборной ереси, ту они немедленно как мерзость бросали в огонь и сжигали. Потом царь повелел всем греческим епископам собраться в Царьград на собор. Епископы отправились каждый из своего места и, прибыв в город, являлись по обычаю к святейшему патриарху Никифору. Царь же повелел немедленно захватывать таких епископов и ввергать в темницу; тех из них, которые, под страхом навлечь на себя его грозный гнев и преследования, склонялись к еретическому единомыслию с ним, он освобождал от уз и темниц и удостоивал почестей, а непоколебимо пребывавших в правоверии бесчестно угнетал узами, мучил голодом и жаждою. Весьма многие, под влиянием страха, присоединялись к единомыслию с царем, и еретическое сонмище приобрело значительную силу. Лжеучители начали дерзновенно и невозбранно распространять по всем церквам свои хульные учения, склоняя народ не почитать святых икон, истинных же учителей православие они изгоняли из церквей, причиняли им зло, и даже самого святейшего патриарха, богогласную трубу, пытались принудить к молчанию и возбранить ему вход в соборную церковь.

Служитель Божий, святой Никифор, слыша и видя все происходившее в Церкви, непрестанно со слезами молил Бога, да сохранит Он Церковь Свою непорочною и да соблюдет стадо Свое невредимым от еретиков. Призывая к себе многих правоверных, он увещевал их, просил и наставлял: не соединяться с еретиками, избегать закваски (Мф.16:6; Лк.12:1-9). и учения их, как укушения ехидны, не утрушаться лютого того времени и угроз мучителя, убивающего тело, а не душу (Лк.12:4-10).

- Если, - учил он - и весь народ за царем уклонится в ересь, и лишь немногие останутся верны правой вере, то всё же оставшиеся пусть не смущаются своей малочисленностью, ибо Господь благоволит не множеству: Он призывает на одного боящегося и трепещущего слов Его более, чем на множество пренебрегающих страхом Божиим, по Своему слову в Евангелии: **"Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство"** (Лк.12:32).

Потом святейший патриарх созвал к себе известнейших архиереев: Емилиана кизического, Евфимие сардийского, Иосифа фессалонитского, Евдоксия амморейского, Михаила синадского, Феофилакта никомидийского, Петра никейского и многих других святых отцов, в числе которых были Феодор Студит¹⁵, Никита, игумен мидийский, и другие правоверные мужи. После долгой беседы с ними о почитании святых икон, веденной на основании божественного Писания и предания святых отцов, он отправился с вечера в соборную церковь святой Софии и начал всенощное пение, моля Бога о ниспослании мира Церкви и об избавлении ее от ереси. Царь, узнав о том, смутился и испугался, как бы патриарх не поднял мятежа против него среди народа, во множестве собравшегося в церковь на всенощное пение: он знал, что народ любит патриарха, и что все охотно будут повиноваться ему даже до готовности умереть за него. И вот на рассвете царь посылает в церковь к патриарху сказать:

- Зачем ты смущаешь народ и строишь ковы против царя, который желает общего мира и единомыслия? Зачем возбуждаешь на мятеж безумных людей, и кровью междоусобной рати хочешь наполнить царствующий град?

Святейший патриарх отвечал посланным царя:

- Ни о чем подобном тому, что вы говорите, мы и не помышляем; даже на ум нам никогда не приходило то, что о нас думает пославший вас царь. Мы собрались в дом Божий не для какого-либо враждебного царю совета, но на славословие Божие, на моление и мольбы, да

умилостивится Бог и оградит миром Церковь Свою, царя и весь народ, да упразднит еретические шатания, а всех утвердит в единомысленном правоверии.

Посланные сказали;

- Нет, не так это, как ты говоришь: одно говоришь ты устами, а другое помышляешь в сердце твоём, и помышляемое хочешь привести в исполнение. А так как ты явно собираешься восстать против царя, то сам и твои единомысленники при наступлении дня идите в царскую палату, и там отвечайте самому царю на предложенный нами вопрос, чтобы и царь мог обстоятельнее узнать о ваших намерениях.

Так сказав, посланные ушли. Все бывшие в церкви, видя и слыша это, поняли, что будет потом, - какое гонение и зло предстоит перенести служителю Божию и всей Церкви Христовой, и начали молиться еще усерднее, со многими слезами и воздыханиями. По окончании всенощного бдения, святейший Никифор вышел на средину церкви и поучал во всеуслышание:

- О собор, собранный Духом Божиим! Кто ожидал, что святая Церковь подвергнется таким бедам, какие теперь мы видим!? Вместо радости испытывает она печаль и от тишины переходит к смущению. Пасущая на доброй пажити словесное стадо терпит хищение от развратившихся, и Мать, увещающая всех чад своих к единомыслию, раздирается на части! Та Церковь, которую Христос приобрел честною Своею кровью, которую сохранил в чистоте от всякого порока (Ефес.5:27), оградил Апостолами, пророками, мучениками и святыми всех чинов и показал как рай украшенный и огражденный стенами, - какие беды терпит она ныне от людей, которые по внешности подобны нам, а на самом деле отстоят далеко от нас, сделались врагами нашими и до того дошли в своей злобе, что вместе с образом наносят бесчестие и тому, кто на нем изображен, и вместе с написанным на доске ликом Христовым отвергают и Самого Христа: ибо как честь, так и бесчестия, творимые образу, относятся к тому, кто изображен на иконе. Ныне враги правды уничтожают древнее церковное предание о почитании святых икон и узаконяют новое, противоположное прежнему, изобретенное еретиками, и тем смущают души верных. Братия и чада! Молю вас, не будем боязливы и малодушны, угрозы их да не ужасают сердец наших; будем ожидать Божией помощи. Враждующие против нас и стремящиеся истребить в Церкви правду подобны плывущим против быстрин речных: они, в конце концов, окажутся в глубине от изнеможения, ибо истина неодолима, и увенчивает почитающих ее, побеждая ратующих против нее. Кто ее держится, тот и безоружный одолевает врага; кто ее лишился, тот легко будет побежден, хотя бы и был вооруженным на брань воином. Свидетели наших слов те, о которых мы говорим: они не имеют никакого познание истины, над ними смеются даже отроки, учащие букварь, ибо они противоречат сами себе в своих суетных мудрствованиях, как бы седая, подобно беснующимся, свою плоть. Разумеете ли, что я говорю, братия?

Все, присутствовавшие в церкви, воскликнули:

- Знаем и убеждены, святейший отче, что вера наша православная есть истинная, и за нее мы все готовы умереть.

Патриарх сказал:

- Подобаает нам, братия, пребывать согласными и единомышленными в исповедании православной веры, чтобы наши противники не могли ни одного от нас отторгнуть к своему злочестию: ибо благодатью Христовою нас больше, чем их.

Люди, взывая громким голосом, снова давали твердое обещание стоять за Церковь даже до смерти. После продолжительной беседы с народом в церкви, святейший патриарх, при наступлении дня, возложил на плечи омофор и с бывшими при нем епископами, игуменами и со всем клиром отправился в царские палаты. За ними пошло также много народа. Когда же патриарх с православными достиг дворцовых ворот, то все были удержаны, пропущен был один только первосвященник. Обыкновенно греческие цари принимали благословение от патриарха и взаимно целовали правую руку в знак духовной любви. Злочестивый же Лев Армянин не оказал входившему патриарху обычного почтительного приветствия, не

попросил его благословения, даже не предложил ему сесть, но, грозно смотря на него, начал говорить с гневом:

- Что это за раскол возник среди вас, и на царскую честь ков и восстание? Без нашего ведома собираете соборы, смущаете народ и побуждаете его к волнению и мятежу? Собирайте без нашего соизволения и совета соборы и распространять в народе, будто мы держимся зловерия, а не церковного учения, не есть ли явная вражда и начало раздоров? Если бы мы хотели искоренить правые, называемые вами древними, уставы, то своевременно было бы нас хулить, уничтожать и обвинять в злочестивой ереси; теперь же, когда, из любви к правоверию, мы желаем истребить раздоры и несогласие и всех привести к единству веры, зачем вы хулите нас, враждуете и говорите, будто мы обижаем Церковь, между тем как мы печемся о ее мире и тишине? Разве ты не знаешь, что много народа в смятении отторгается от Церкви ради того, что иконы пишутся и поставляются; отторгающиеся приносят книги и показывают в них слова божественного Писания, которыми возбраняется делать иконы и почитать их? И если на возбуждаемые ими вопросы не будет ответов, то что воспрепятствует разделению в вере, которой уже никогда не прийти в соединение? Поэтому ради тех, кто волнуется умом и смущается недоумением, подобает вам немедленно иметь прение с этими отторгающимися (от Церкви) из за икон. Наша власть желает и повелевает, чтобы или вы опровергли и привели их в ваше мудрование, или, побежденные в споре, сами им покорились; тогда и мы, увидев, где истина, присоединимся к лучшей стороне и утвердим ее нашей царской властью, чтобы, таким образом, стоять ей непоколебимо.

Святейший Никифор отвечал царю:

- Нет, молю твое величество, не считай нас виновными в расколах и мятежах. Даже молитвой, как оружием против царской твоей власти, мы не пользовались, ибо от божественного Писания научились молиться за царя, а не желать ему зла (1Тим.2:2). Также не обращаем мы в еретическое умствование и пагубу здравых слов и учений веры, ибо дерзающих делать подобные дела повелевает учитель правды, святой Иоанн Богослов, не принимать в доме и не приветствовать (2Иоанн.10). Достоверно известно не только нам, но и всякому, кто обладает малейшим смыслом, что мир и тишина - дело весьма доброе: и если кто бывает виновен в нарушении мира, того по справедливости все должны назвать злодеем. Тот царь добр, который умеет обращать брани в мир, и мятежи в тишину; ты же с единомысленниками твоими задумал навести брань на Церковь, пребывающую в мире, и, оставив святыя законы, по которым прославляется крест Христов и благочестие озаряет светом вселенную, предложил ввести помраченное учение пагубных людей, которого ни одна из Церквей не принимает: ибо ни Иерусалим, ни Рим, ни Александрия, ни Антиохия не отвергают икон Христа, Пресвятой Богородицы, Апостолов и прочих угодников Божиих, но, напротив, благочестиво почитают их по преданию святых отцов. Который из Вселенских соборов, утвердивший Духом Святым догматы православной веры, одобрил и принял иконоборные мудрования? И ты, царь, поэтому, не восстанавливай отвергнутую ересь и не вводи в святую Церковь уже осужденного мудрования. У нас же с еретиками прения не будет, ибо какая нужда препираться о том, что уже было соборно святыми отцами опровергнуто, отвергнуто и предано анафеме?

Царь возразил на это святейшему Патриарху:

- Не Моисею ли Бог сказал: **"Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им"** (Исх. 20:4-5). На каком же разумном основании вы пишете иконы, и ту честь, которая подобает Самому Богу, воздаете созданным вами образам и иконам? Что идолопоклонники делали в старину, то и вы теперь делаете, пренебрегая заповедью Божией, данной Моисею, а чрез него и всем людям, не только древним ветхозаветным, но и нам новоблагодатным, верным христианам.

Святейший Никифор отвечал:

- Разве ты не знаешь, зачем израильтянам, по исходе их из Египта, была дана Богом заповедь не творить кумиров и всякого подобия? Затем, что жизнь в Египте приучила израильтян к нечестию и идолопоклонническому многобожию египтян, которые боготворили то неких людей, давно уже умерших, то птиц небесных, зверей земных, гадов, рыб и разные чудовища, делали подобие их и поклонялись им, как истинному Богу. Чтобы искоренить в израильтянах идолопоклонство, которому они навыкли в Египте, Бог дал им заповедь о нетворении кумиров, ни всякого подобия, но не возбранил творить честные образы и иконы, которые служат не к унижению, но к умножению Богопочитания. Ибо не повелением ли Того же Бога Моисей создал скинию и оковал со всех сторон золотом Ковчег завета, в котором хранились скрижали, жезл Ааронов и манна? (3Цар.7:23 и след.) Разве не повелел Бог сделать золотых херувимов и поставить их над кивотом в скинии, и по завесам скинии разве не были вытканы подобия лиц херувимских? И всё это разве не почиталось израильтянами, как честное и божественное, а пред всем этим разве не поклонялись израильтяне Богу и не приносили жертвы? Когда же они кланялись и приносили жертвы пред скиниею, кивотом и херувимами, то не скинии, не кивоту, не херувимам поклонялись и приносили жертвы, но самому Богу, живущему на небесах; скинию же и кивот с тем, что было в нем, и подобие херувимов почитали честно, как предметы божественные, а не обоготворяемые, как и мы ныне поступаем, поклоняясь святым иконам, зажигая пред ними свечи и устроая лампы. Не доске и не краскам мы кланяемся, но самому лику Христа воплощенного Бога, изображенному на иконе, и не Божество Христово пишем на иконе, - ибо Оно, как невидимое и непостижимое, не изобразимо, - но начертываем человечество Христово, некогда виденное человеческими очами и осязанное руками, и не называем иконы Христовой Богом, но изображением лица Христа, Бога. Христу Богу пред Его святою иконою мы кланяемся как Богу, а икону Христову почитаем как предмет божественный, но не обожаем ее. Подобное должно сказать и об иконе Пресвятой Богородицы, и о прочих святых, в которых почитается Самый Бог, дивный во святых Своих. Но начав о ветхозаветном, мы еще не кончили. Разве не повелел Бог Моисею вознести в пустыне медного змия, чтобы люди, укушенные змеями, приходили и взирали на него? И не был ли тот медный змий чудотворным образом, чудесно исцелявшим тех, которые терпели укушение от живых змей? Ибо тот змий имел целебную силу не сам по себе, но от Того, Кого прообразовал. Прообразовал же он Христа Спасителя нашего, Которому должно было возвестись на древо крестное, по слову, сказанному потом Самим Христом в Евангелии: **"И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому"** (Иоан. 3:14)

И что удивительного в том, что и ныне святые иконы бывают чудотворными, если еще в Ветхом завете от медного змия творились чудеса? Но как этот змий творил чудеса не сам по себе, но силою Того, Кого прообразовал: так и святые иконы бывают чудотворными силою изображенного на них лица. Вспомним еще и храм Соломона: вменил ли Бог Соломону в грех то, что в созданном храме сотворил он иных, кроме сделанных Моисеем, больших золотых херувимов, и изобразил подобие их по стенам, столпам и дверям, и сотворил медное море) на двенадцати изваянных волах? Не только Бог не вменил этого Соломону в грех, но даже показал, что это дело благоугодно Ему, когда Сам посетил тот храм и всё, что в нем, ибо написано: **"облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм"** (3 Цар. 8:11).

Итак, упомянутая раньше тобою, о, царь, заповедь закона Божие о нетворении всяких подобий, данная Моисею, уничтожает только языческое идолопоклонство, а не наше христианское благочестие, - почитание святых икон. Если бы Бог эту первоначальную Своею заповедью также запрещал совершенно всякое писание и подобие честных лиц, как запрещал он изображение нечестивые, то противоречил бы Сам Себе, повелев потом Моисею, как было сказано, создать скинию и ее принадлежности, да еще вознести скованного из меди змия. Но так говорить не подобает: не противоречит Бог Самому Себе,

и как верен во всех словах Своих, так свят во всех делах Своих. Он заповедал словом не творить языческих кумиров; изображать же для церковного украшения и славы Божией святые иконы - этому научил делом, Сам на это наставил Моисея, повелев изобразить подобие херувимских лиц.

Так и многое другое говорили царь и патриарх о святых иконах сначала наедине, потом были допущены внутрь и стоявшие за дверьми епископы и клирики. Вошло и много сенаторов; еще царь вызвал туда вооруженных воинов с обнаженными мечами, на устрашение тех, кто не хотел согласиться с ним. Что там было, какие рассуждения, и какое величие души и смелость обнаружили безбоязненные сердца, о том написано в житии преподобного Феодора Студита, 11 ноября, и в житии святого Никиты исповедника, в 3 день апреля. Кончилось же всё это гневом и яростью царя и изгнанием с бесчестием из царской палаты патриарха и всей дружины его. Епископы, бывшие при святейшем Никифоре, немедленно были посланы на заточение в различные места, но патриарх был до времени оставлен на своем месте, отчасти потому, что не решались окончательно сделать ему зло, отчасти из боязни, как бы народ не поднял из за него восстание и мятежа. Клириков же и многих из монашеского чина мучили в темницах и узилищах ранами и морили голодом и жаждой, принуждая к ереси.

Святейший патриарх, видя, что царь вполне отпал от правоверия, и Церковь весьма смущена, чин же духовный подвергается гонению и страдает, написал к царице, увещевая ее подать царю необходимый совет прекратить такое гонение, писал также и к градоначальнику Евтихиану, единомысленному с царем и первому советнику его. Движимый ревностью апостольскою и пророческим духом, он к увещаниям присоединил и следующее строгое слово:

- Если не перестанете совращать с прямых путей Господних. карающая рука Господня будет на вас скоро.

Однако святой патриарх не только не мог убедить упорных, но даже подвиг их на большую ярость. Царь послал одного патриция Фому отнять у патриарха управление соборною церковью святой Софии и не допускать, чтоб патриарх служил в ней и говорил поучение к народу, так что патриарх в своем доме был как в заточении, никуда не выходя. От печали и от многих подвигов он изнемог телесно, впал в недуг и лежал на одре болезни, ожидая кончины своей; еретическое же сборище не переставало волноваться и желало с ним прения. Послан был от царя и от единомысленников его брат царицы, именем Феофан, саном спафарий¹⁶, к святейшему патриарху, чтобы привести его для прений с ними. Святой отвечал посланному:

- Пастырь, лишенный овец, не выходит на рать против волков, и ищущий себе здравие не борется со зверьми. Зачем вы, отняв у меня вверенных мне Христом овец, призываете меня на прение, чтобы я один боролся с еретиками, как с волками? Если вы этого желаете, то возвратите мне овец моих, отпустите из уз и темниц священников и клириков, и пусть каждый примет свое место, да будут возвращены из изгнания архиереи и да примут вновь свои престолы, а находящиеся ныне на их местах еретическиствующие лжеепископы, неправильно возведенные, да будут извержены, и все правоверные, гонимые и страждущие, да получат отдых (от гонения) и первоначальную свою свободу: тогда, если будет угодно Богу и если я выздоровею, мы будем готовы соборно обличить принятую гибельную злобу еретическиствующих. Собору же и беседе о вере следует быть в соборной великой Церкви, где Сам Христос Бог присутствует в пречистых Тайнах, а не в царских палатах, ибо о церковном должно рассуждать в Церкви, а в палатах - устроить гражданские дела.

С таким ответом Феофан возвратился к пославшим его. Те еще более озлобились на святого, и снова отправили к нему нескольких из сборища своего, чтобы призвать его уже на суд. Святой патриарх возразил им:

- Кто меня призывает на суд? Кто либо из патриархов - римский, александрийский, антиохийский или иерусалимский? Если же их в соборе вашем нет, то к кому мне идти? Или вы меня, патриарха, призываете? Вы ли, незаконные, будете судить меня, законного

пастыря? Не пойду к явным врагам моим, которые, как лютые звери, приготовились растерзать меня без вины с моей стороны. Да и как я пойду больной, когда не в состоянии даже встать с одра? Разве с одром возьмете и понесете меня?

И эти посланные возвратились без успеха. Тогда еретическое собрание, исполненное великой злобы, незаконно лишило сана ни в чем неповинного, святого и богоугодного мужа, патриарха Никифора, и предало его анафеме, само будучи в высшей степени достойно извержения и проклятия; они предали анафеме не только святого Никифора, но и предшественников его, святейших патриархов правоверных и отшедших ко Господу после блаженной кончины, Тарасия и Германа. Этим и закончилось лукавое собрание еретическое.

Поздно вечером царь послал воинов взять Никифора из патриаршего дома и вести его в заточение. Свирепые воины подступили к дому с оружием и дреколиями; производя шум и мятеж, злословя святейшего Никифора и прежде бывших патриархов Германа и Тарасия. Услышав это, патриарх прослезился и благодарил Бога, что сподобился таких злословий за православие. Вышеупомянутой патриций Фома, которому царь вверил соборную церковь святой Софии, будучи вместе с тем и блюстителем патриаршего дома, повелел воинам прекратить шум, крепко запер входные двери патриаршего дома, пошел к царю и сказал ему:

- Государь! Нет нужды во множестве воинов, иначе народ, услышав шум, соберется и сделает какое-либо зло; пошли только двоих мужей и с ними несколько слуг, чтобы вынесли патриарха на руках, ибо он очень болен и не может идти сам.

Царь так и сделал, - приказал воинам отойти от патриаршего двора, а через час прислал двух мужей из своего дворца; и был выведен, или скорее вынесен святейший Никифор из своего дома. Желая помолиться в своей великой престольной церкви святой Софии, он вошел в нее, поддерживаемый двумя мужами, повелел зажечь свечи и кадить фимиамом, простерся на землю крестообразно и долго молился, рыдая и орошая землю слезами. Потом он встал с земли; увидев неких православных, тоже пришедших в храм и плакавших о патриархе, он благословил их, в последний раз простился с ними со словами:

- Чада, я нашел вас правоверными христианами и оставляю вас правоверными христианами.

И вышел из церкви. Воины посадили его на колесницу, и в полночь, когда все спали, отвезли на берег моря. Здесь положили его в ладью и перевезли в Хрисополь¹⁷, в некое место, называемое Волуе¹⁸, где был монастырь. Так был невинно изгнан с престола своего великий угодник Божий святейший патриарх Никифор, после девятилетнего управления Христовой Церковью. Спустя недолгое время, он был отослан далее на остров Проконнис¹⁹, в монастырь святого великомученика Феодора. Когда же, направляясь к этому острову, везли его на корабле мимо страны, где находился преподобный Феофан, игумен великого села, оба святые мужа прозорливыми очами увидели и приветствовали друг друга. Преподобный Феофан, будучи в келлии своей, повелел ученику своему положить в кадильницу горящие угли, зажег свечи, возложил на угли фимиам и поклонился до земли, беседуя как бы с неким лицом, шедшим мимо. Ученик спросил его:

- Отче! что ты делаешь? Кому поклонился и с кем беседуешь?

Преподобный отвечал:

- Святейший патриарх Никифор, несправедливо изгнанный за правоверие, следует в заточение на корабле мимо этой страны; для того мы зажгли свечи и фимиам, чтобы воздать патриарху подобающую честь.

В то же время святейший патриарх Никифор, находясь на корабле, внезапно преклонил колена, взаимно поклонился святому старцу и, простерши руки в воздух, преподал благословение. Один из бывших с святейшим на корабле спросил его:

- Кого благословляешь, святейший отче, и пред кем преклонил колена?

Патриарх отвечал:

- Феофан исповедник, игумен великого села, приветствовал нас, и почтил зажженными свечами и фимиамом, я же с своей стороны поклонился ему, ибо и он в непродолжительном времени пострадает, подобно нам.

Что вскоре и сбылось. Достигнув назначенного ему места изгнания, святитель Христов Никифор провел там в тесноте и частых болезнях, терпя скудость в необходимом, тринадцать лет, и перешел на вечный покой ко Господу. Преставляясь же, радостною душою произнес слова Давида: **"Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих: сеть расторгнута, и мы"** (Пс.123:6-8).

Сказав это, он предал душу свою в руки Господа своего, и рыдали по нем верные, а еретики радовались. Честное тело его было погребено в церкви святого великомученика Феодора. Потом, когда ересиархи погибли, иконоборное мучительство прекратилось и снова воссияли тишина и правое верие, честные мощи святого Никифора были перенесены 13 марта 846 года в Царьград, в царствование Михаила, сына Феофила, и матери его Феодоры, и с честью положены в соборной церкви святой Софии, во славу Христа Бога нашего, с Отцом и Святым Духом славимого во веки, аминь.

Кондак, глас 4:

Победы венец с небесе, о Никифоре преславный, яко прием от Бога, спасай верою почитающыя тя, яко священноначальника Христова и учителя.

¹ Константинополь или Царьград - столица Византийской, ныне Турецкой, империи; основана императором Константином Великим в IV в. по Р. Хр. на месте прежнего города Византии.

² Константин V Копроним царствовал с 741 по 775 год.

³ Нотарий собственно значит скорописец. В первые века по Р. Хр. так назывались императорские секретари, скреплявшие акты. При Константине Великом была учреждена тайная канцелярия нотариюв, которые вели протоколы самых важных государственных совещаний. Секретари Константинопольского патриарха также назывались нотариами.

⁴ Адаманти в переводе с греческ. языка значит алмаз - камень, отличающийся своею твердостью.

⁵ Никея в описываемое время значительный город Вифинской приморской области, ныне представляет собою бедное селение с названием Исник. Замечателен в истории христианской церкви тем, что здесь был первый (в 325 г.) Вселенский собор.

⁶ Лев IV Хазар царствовал с 776 до 780 года.

⁷ За малолетством ее сына, императора Константина (Порфирородного), в начале царством управляла Ирина.

⁸ Седьмой Вселенский собор 787 г., бывший в Никее, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

⁹ Босфор или Константинопольский пролив, соединяющий Черное море с Мраморным, назван Фратийским в отличие от многих проливов получивших тоже название.

¹⁰ Никифор царствовал с 802 г. по 811 г.

¹¹ Патриархом был с 784 г. по 806 г. Память его 25 февраля.

¹² Михаил I - с 811 г. по 813 г. Киропалат - начальник дворцовой стражи.

¹³ Лев Армянин царствовал с 813 г. по 820 г.

¹⁴ **"Их конец - погибель, их бог - чрево, и слава их - в сраме, они мыслят о земном"** (Флп. 3:19).

¹⁵ Преп. Феодор Студит еще в юных летах вступил на путь иноческой жизни, подвизаясь в начале под руководством своего дяди, преподобного Платона (память его 5-го апреля), защитника иконопочитания на 7 Вселенском соборе. Впоследствии преп. Феодор сделался настоятелем Студийского монастыря в Константинополе; монастырь этот, под его управлением, достиг небывалой высоты. Преп. Феодора дважды выслали из Константинополя за обличение императора Константина Багрянородного, незаконно разведшегося со своею супругою Марию и увеличившего тяжесть своего преступления незаконным браком с Феодотою. По возвращении в Студийский монастырь из ссылки, когда вспыхнуло гонение на святые иконы, преп. Феодор, не обращая внимания на угрозы иконоборцев, открыто совершал с честными иноками крестные ходы. Тогда император Лев Армянин послал его в заточение, где он содержался в сырых и душных темницах, неоднократно подвергаясь жестоким побоям. При Михаиле Косноязычном св. Феодор был возвращен из заточения, но жил не долго, изнуренный заключением. Умер 67 лет в 826 г., 11 ноября (когда и совершается его память). В минуту кончины святого Феодора преп. Иларион Далматский видел сонм Ангелов, нисходящих с неба, и слышал голос: "се, душа Феодора, игумена Студийского, в торжестве восходит горе□ и ее встречают небесные силы".

Св. Феодор оставил после себя многочисленные сочинения в виде слов, оглашений, писем, канонов, стихир, эпиграмм и жизнеописаний. Наиболее полное изложение сочинений преп. Феодора на русском языке предпринято редакцией журнала "Христианское чтение" в качестве приложения к этому журналу за 1907 и 1908 гг.

¹⁶ Носитель царского меча

¹⁷ Хрисополь - в Византии близ Византии, ныне Скутари.

¹⁸ По греческому оригиналу в монастырь Доброго, т.е. Христа, но латинский переписчик перевода вместо Вопи (Доброго) поставил - вола, отсюда и явилось в славянском переводе - Волеу.

¹⁹ Проконнис - остров на Мраморном море; ныне Мармара.

Страдание святого великомученика Иоанна Нового

Немного святых мужей, своею богоугодною, добродетельною жизнью давших нам пример для подражания; в числе их находится и настоящий угодник Божий, не меньший первых, хотя и последний по времени. Владыка Христос почтил венцами не только мучеников первых веков, но и ныне, в последние времена, открывает дверь (Царствия Своего) тем, кто сего ищет, удостоивая их той же славы и дарований. Итак начнем повествование о святом Иоанне, доблестном воине Христовом, исполненном благодати Святого Духа, - кто он был, откуда родом и как сподобился лика и венца мученического.

Родиной этого мужа был Трапезонт, славный и великий город, лежащий в странах восточных, близ Ассирии и границы великой Армении. Изобилуя всем необходимым, этот город служит удобным пристанищем для кораблей, отовсюду приплывающих к нему; жители же его, имея пребывание свое при море, занимаются торговлею и мореплаванием, откуда и приобретают себе средства к существованию. Так точно и блаженный Иоанн занимался торговлей, совершая частые путешествия по морю к разным городам. Однажды пришлось ему с значительным запасом товаров войти на корабль иноземного мужа, который родом был фряг¹, верою не восточного исповедания, нравом груб, не милостив и бесчеловечен. Во время плавания святого с тем мужем, начал враг диавол завидовать непорочной жизни Иоанна: он едва переносил добродетельную жизнь блаженного, часто видя его в молитве и посте, благонравным и для всякого доступным, милосердным к терпевшим нужду на корабле и к тем, кому приходилось болеть. Раб Христов утешал таких людей, подавая им необходимое от своего достатка, простирая им щедрую руку с помощью; с глазами, полными слёз, говорил он в себе:

- Если окажешь милость страждущему брату, будешь и сам помилован; и если утетишь скорбящего, и сам сподобишься утешения от Бога.

Невидимый враг видел это, завидовал и пытался оказать препятствие святому на пути ко спасению. Прежде всего он умыслил отторгнуть его от благочестивой веры и вооружил на него врага видимого, начальника корабля, державшегося другого исповедания веры, который начал досаждать правоверному рабу Христову спорами о восточном (православном) благочестии. В многочисленных словесных прениях о вере, которые были между ними во время морского пути, святой Иоанн, как человек весьма мудрый и искусный в книжном учении, всегда одолевал фряга и обличал его неправомыслие; а тот гневался на неодолимого воина Христова, раздражался, досаждал ему многими укоризнами и из чувства вражды замыслил на него зло. Когда возгорелась в нем такая вражда, корабль

пристал к берегу у Белграда, близ Босфора². Там злой корабельщик пошел к местному градоначальнику, родом и верою персу³, усердному хранителю своих отеческих преданий, и взвел пред ним такую клевету на святого Иоанна:

- Начальник! Со мною на корабле прибыл сюда муж, который желает, отказавшись от христианской веры, преданной отцами, приступить к вашей вере и быть общником ваших преданий; во время морского пути он известил меня об этом и многими клятвами подтверждал, что не переменит своего намерения. Если ты позаботишься скорее привести его к единоверию с вами, то тебе будет великая похвала от твоего народа, ибо этот муж весьма искусен в слове и среди знатнейших вельмож города Трапезонта не последний.

Услышав это, нечестивый начальник исполнился радости; сев на обычном судебном месте, он повелел с почетом привести к себе блаженного Иоанна и сказал ему:

- Я много слышал о тебе, почтенный муж, - слышал, что ты возлюбил нашу веру и хочешь приступить к ней. Наша вера имеет предметом размышления честное и зажигает любовью к себе сердца тех, которые разумеют ее; принимающим ее с радостью, она подает благополучную жизнь и долголетие; христианская же вера достойна осмеяния. Почтенный друг! Не медли отложить ее далее от себя и во всеуслышание пред этим всенародным собранием похули христианские предания и законы; потому и сошлись сюда все вместе, не исключая жён и детей, что слышали о твоём желании исповедать нашу светлую и преславную веру. Иди же, о чудный муж, стань вместе с нами, яснейшим голосом прославь светозарное солнце, воздай честь звезде, предшествующей солнцу, и принеси жертвы небесным светилам, озаряющим вселенную; тогда ты удостоишься многих почестей и великого сана от царя нашего, нам же будешь искренним братом и насладишься жизнью, приятной всем людям.

Пока правитель со смесью злобы и коварства говорил эти льстивые слова, святой Иоанн, возведя вверх мысленные очи, призывал на помощь Владыку, сказавшего: когда поведут вас пред царей и князей ради имени Моего, не заботьтесь наперед, что говорить, или что отвечать в тот час: ибо дастся вам слово, которому не будут в состоянии противиться все противящиеся вам (Ср. Марк.13:11). Потом, возрев на мучителя чувственными очами и протянув безбоязненно руку, сказал в ответ:

- Мне думается, что ты явно лжешь, о, начальник! Не говорил я, что хочу отречься от Христа моего; да не будет со мною сего, да не попустит Господь мой Иисус Христос когда либо даже мысли о сем во мне; это умышление врага истины, твоего отца, сатаны. Войдя в тебя, как в свой истинный сосуд, он чрез тебя беседует со мною, надеясь привлечь меня к погибели, и принуждает меня отступить от истинного Бога, Создателя как иных всех видимых и невидимых тварей, так и самого этого солнца, которое ты чтишь как Бога, прельщенный властью тьмы, и в безумии воздаешь твари ту честь, которую подобает воздавать Самому Богу. Не прельщай же меня склониться ко лжи, а, напротив, узнав сам от меня таинство истины, отложи, прошу тебя, лежащую на душе твоей мглу нечестия и сподобись быть сыном света, воссияв ярче солнца зарею божественного крещения. И не считай Богом солнце, видимое на небе, но знай, что это - светило огненного свойства, поставленное Создателем для служения людям и сотворенное в четвертый день. А создание разве может быть Богом?

Сказав это, святой Иоанн воздел руки и возвел очи к небу, и во всеуслышание воскликнул:

- Да не отрекусь от Тебя, Христа Спасителя моего, с безначальным Твоим Отцом и с Пресвятым Духом славимого Бога! Не поклонюсь солнцу, не послужу огню, не принесу жертвы звезде, которую языческое баснословие называет Венерою, одноименно с блудной страстью!

Так говорил мученик твёрдым голосом и с радостным лицом. Распаляемый огнем внутреннего гнева мучитель часто менялся в лице и не мог слишком долго терпеть слов мужа, говорящего противное ему, ибо святой Иоанн среди многочисленного народа прославлял того Христа, Которого начальник хулил, исповедывал Его истинным Богом, и

до конца уничижал и низлагал нечестивую веру или, вернее сказать, обольщение правителя. Тогда мучитель повелел воинам сорвать с мученика одежды, что воины исполнили тотчас же скорее слова: и стоял святой нагим, - во Христа облечённым. Потом повелел начальник положить пред мучеником множество палок и сказал ему:

- Ты обещался не басни повествовать, а отречься от твоей бесполезной веры, и усердно желал присоединиться к нашей светлой вере и украситься нашими законами. Оставь же свое продолжительное злоречие и исполни, что обещал, - присоединись к преславной нашей вере и поклонись светозарному солнцу: если же этого не сделаешь, то за нашу выдающуюся своей благостью веру не только этими жезлами раздроблю твое тело, но и иными лютейшими муками, невыносимыми для человека, буду тебя мучить и, наконец, предам тебя горчайшей смерти.

Святой мученик сказал в ответ:

- О, мучитель, исполненный всякой скверны! Я не баснословец, а раб и проповедник истинного, в Троице славимого, Бога, в Которого научился веровать от прародителей и родителей моих; ныне Ему Одному поклоняюсь, Ему приношу жертву хвалы, Его признаю и исповедую Создателем всего, Его ожидаю как Судию живым и мертвым; Он придет воздать каждому по делам в то время, когда повелением Его померкнет это видимое солнце, поставленное на служение людям. Поэтому не надейся слышать от меня что-либо иное, - что сначала сказал я, то и ныне говорю: доколе обладаю умом и управляю моим рассудком, дотоле не буду почитать твари вместо Творца и не поклонюсь созданию вместо Создателя. А затем не медли, делатель неправды, явно обнаружить скрытой в тебе пёсий и бесчеловечный нрав, и освободи себя от забот об изобретении на меня мук, - каким угодно способом мучительства и смерти посылай меня к Владыке Богу, к Которому я сам стремлюсь. Что хочешь делать, делай скорее, чтобы слуху моему не слишком долго оглашаться твоими нечестивыми речами, о которых сказал пророк: **"они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань"** (Псал. 139:3), и - очам моим не смотреть долее на твое всескверное лицо. Вот обнаженная плоть моя готова к мучительству твоему. Бей жезлами, сожигай огнем, утопи в воде или рассеки мечем, и если у тебя есть иные, более лютые, муки, не ленись причинить их мне: все готов радостно принять ради любви ко Христу моему.

Эти речи мученика воспламенили гневом свирепого мучителя; он тотчас повелел растянуть блаженного на земле и немилостиво бить суковатыми палками. Слуги били страстотерпца Христова столь жестоко, что многие части раздробляемой плоти его вместе с палками поднимались в воздух, и всё место, где мучили святого, обагрилось кровью. Доблестный же страдалец мужественно переносил это мучение и, возводя умные очи свои на небо, говорил:

- Благодарю Тебя, Владыка Боже, что сподобил меня кровью моею очиститься от грехов моих, в которые, по немощи человеческой, впал я после святого крещения.

Сыны погибели, слыша молитву мученика к Богу, исполнились еще большей ярости и жестоко били его до тех пор, пока не умолк его голос. При наступлении вечера правитель повелел едва дышавшего мученика связать двумя цепями, бросить в темницу и стеречь до утра для сильнейшего мучения. А так как мученик от лютых ран не мог идти сам, то его повлекли как некий труп и ввергли в узилище.

На утро звероподобный мучитель, севши на обычном судебном месте, повелел привести святого мученика Иоанна. Страстотерпец Христов предстал со светлым лицом и радостною душою. Взглянув на мученика и увидев светлое и обрадованное лицо его, нечестивый судья весьма удивился, как после столь лютого мучения обретается в нем душа, и он веселится, - точно не потерпел никаких страданий.

- Видишь ли, Иоанн, - сказал он, - до какого бесчестия довело тебя твое непокорство? Едва не лишился ты сладкой и всем людям более всего существующего любезной жизни. Впрочем, если ты окажешь повиновение моим разумным увещаниям, то готово тебе и здравие: в течение немногих дней будет уврачевана твоя израненная плоть, ибо есть у нас

весьма искусные врачи, пришедшие из Индии и Персии; если же и далее хочешь пребывать в христианстве, то знай, что еще большее зло ожидает тебя.

Святой мученик отвечал:

- Об израненной плоти моей я нимало не забочусь, о судия! Поскольку внешний наш человек тлеет, постольку обновляется внутренний, как говорит великий Апостол Господень (2Кор.4:16). Об одном имею я попечение: претерпеть до конца причиняемые мне от тебя муки, о укрепляющем меня Христе, Который сказал: **"претерпевший же до конца спасется"** (Марк. 13:13). Если ты изобрел на меня еще какие либо муки, причиняй их мне: ибо первые, наложенные тобою на меня, раны вменились мне в ничто.

Посрамленный этими мудрыми словами святого, безумный мучитель затрясся от гнева и, испустив рыкание, как зверь, повелел снова простереть мученика на земле и бить еще более жестоко, и долго слуги беспощадно били страстотерпца, сменяя друг друга, так что и внутренности мученика были изранены; он же, шепча устами, творил молитву к Богу. Когда изнемогли воины, бывшие члены тела, облекавшего адамантовую душу, и люди всех возрастов, собравшиеся смотреть мучения, стали кричать на скверного судию, осуждая его немилостивый и суровый нрав, тогда мучитель повелел привести дикого и свирепого коня, крепко привязать к его хвосту ноги мученика, а одному из воинов, севши на коня, гнать его по городским улицам и влачить Христова страдальца, пока конь будет в силах бежать. Так влачили святого по всему городу, и было горестно благочестивым очам видеть это. Когда же всадник, влачивший святого, достиг жилищ иудейских и скакал по улицам их, то толпы иудеев ругались над влачимым мучеником; эти злобные люди, видоизменяя лица свои, с криками бросали в него, кто что имел в руках, творя бесчинный и нелепый смех. Наконец один из иудеев вбежал в дом, схватил обнаженный меч, настиг влачимого святого и отсек ему честную главу. Так доблестный воин Иисуса Христа окончил свой страдальческий подвиг, предав святую свою душу в руки Господа своего⁴. Честное тело его воин отвязал от конского хвоста и бросил на том же месте, и лежало оно с отсеченною главою без погребения и призора, и никто из христиан не решался прикоснуться к нему, боясь ярости нечестивых.

Когда настала ночь, можно было явно видеть дивное чудо над телом мученика: ярко горело множество лампад, и три светonosных мужа воспевали неизреченные священные песнопения, и творили каждение, и столп огненный утверждался над телом святого: это чудо видели многие. Один иудей, дом которого был близ того места, где лежало многострадальное тело, думал, что это священники христианские пришли поднять его и предать обычному погребению; он взял лук и стрелу, приблизился туда и, желая застрелить одного из видимых тех (мнимых) священников, положил стрелу, затем с усилием, насколько мог, натянул лук. Когда же он хотел пустить стрелу, то стрела с тетивой прильнула к пальцам его правой руки, а лук к левой руке, и он не мог ни пустить стрелы, ни освободить рук от лука и стрелы; и так страдал этот еврей, змеиное исчадие, всю ночь. На рассвете стали невидимы чудные мужи, скрылись и столп огненный, и лампы, и люди всех возрастов, сходясь на это место, видели окаянного стрелка пребывающим в том же положении, - как натянул он лук со стрелой, так и остался связанный невидимою силою Божиею, будто железными оковами. Против воли вынужден был этот иудеянин поведать подробно, как о всем виденном им над телом мученика, так и о возмездии, полученном им от Бога за дерзновенную попытку к злобному делу. После достаточного оглашения этого чуда, руки его разогнулись, и он освободился от наказания. Правитель, узнав об этом, весьма устранился и повелел христианам предать погребению тело мученика: христиане взяли его и с честью похоронили при своей церкви.

Немного дней спустя фряг, который предал святого на мучение, захотел украсть честное его тело и отнести к себе (на родину): он уже раскаялся в злобе своей. Однажды ночью, выбрав удобное время, он пришел с товарищами ко гробу мученика, раскопал место, открыл гроб и хотел взять честные останки. Но Христов воин в это время явился во сне пресвитеру той церкви и сказал:

- Встань и скорее иди к церкви, ибо хотят меня украсть.

Пресвитер тотчас встал, поспешно отправился на место, нашел гроб раскопанным и открытым, тело же святого едва не было унесено. Созвав благочестивых людей, он рассказал им о происшедшем, и все прославили Бога, прославляющего святых Своих; взяв честные мощи святого мученика, внесли их в церковь и положили в алтаре близ святого престола. Там святые мощи находились более семидесяти лет, и бывали над ними часто ночью и днем различные чудесные явления: иногда показывался некий чудный свет, иногда огненный столп, иногда неизреченное благоухание исходило от гроба, проявлялись и силы целебные. Слух о том дошел до правившего в то время Молдовлахию и поморием благочестивого и христоролюбивого великого воеводы Александра, мужа украсившего себя многими добродетелями и любившего мучеников; и весьма пожелал он иметь у себя пребогатое сокровище - честные мощи святого мученика Христова Иоанна. По совету с священнейшим архиепископом Иосифом⁵, он послал в Белград нескольких вельмож своих с достаточным числом войска, и они не замедлили принести оттуда мощи мученика. На встречу вышел великий воевода со всеми вельможами, священнейший архиепископ с духовным чином и весь народ, радостно приветствуя приход мученика со свечами, кадилами и благовонным миром. Великий воевода, припадая к раке святого, обнимал многострадальные мощи его, прикасался очами и устами к честным рукам мученика и, проливая радостные и обильные слёзы, молил святого быть хранителем его державы. С великою честью положили честные мощи мученика в святейшей митрополии, в стольном городе молдовлахийского государства Сочаве⁶. О бывших же тогда и впоследствии исцелениях, которые подавались и подаются от мощей мученика одержимым различными недугами, оставляем, - замечает описатель, - говорить самим тем облагодетельствованным, да проповедуют о полученных от него благодеяниях. Здесь же достаточно было сообщить, какие мучения претерпел святой Иоанн, как посрамил нечестивого градоначальника, какой поднял подвиг и получил венец от руки подвигоположника Христа. Таково было доброе приобретение святого Иоанна: мало дал, но много приобрел, оставив, как бремя, коварному мучителю тело свое, устремился не в Трапезонт, а в вышний Иерусалим, - в мученический лик как мученик, в лоно Авраамово, в селение святых, в благие пристанища, в нетленные чертоги, где предстал Трисвятой и Пребожественнейшей Троице, Которой слава, держава, честь, прославление и поклонение ныне и в бесконечные веки, аминь.

Тропарь, глас 4:

Житие на земли добре окормляя страдальче, милостынями и частыми молитвами и слезами, паки же ко страданию мужески устремився, персское обличил еси нечестие, тем же церкви был еси утверждение и христиан похвало, Иоанне приснопамятне.

Кондак, глас 4:

Морскую плавая пучину куплею, от востока тщался еси к северу: но Богу призвавшу тя, якоже Матфей мытницу, ты жее куплю оставль, и Тому последовал еси кровию мучения, временными испуив непреходимая, и венец приял еси непобедимый.

¹ Фрягами назывались в старину на Руси преимущественно генуезцы, потои западные европейцы вообще.

² По мнению известного историка церкви Е. Е. Голубинского указываемый здесь Белград есть нынешние Бессарабские Бельцы. Другие под Белградом разумеют Аккерман.

³ По житию св. Иоанна, составленному пресвитером молдовлахийской церкви (с 1416 г. южнорусский митрополит 1419), а так же и по службе мученик пострадал от огнепоклонников, а по греческому мартирологу от магометан. По из истории не видим, чтобы эти огнепоклонники были персы или магометане: в половине 14 века, когда приблизительно скончался великомученик Иоанн, Аккерманом владели Половцы, у которых, как и у татар во время Батые, могло быть поклонение огню.

⁴ Св. мученик скончался, вероятно, не позднее 1340 г.

⁵ Сделан митрополитом молдовлахийским в 1401 г. или 1402 г.

⁶ Нынешняя, как некоторые полагают, Журжа - город Румынии, на левом берегу Дуная, против Рушука.

Благодарная княгиня Иулиания Вяземская, Новоторжская

Дни памяти

3 января

15 июня - Обретение мощей

13 июля (переходящая) - Собор Тверских святых

3 августа (переходящая) - Собор Смоленских святых

Блгв. княгиня Иулиания Вяземская (†1406) – супруга князя Симеона Мстиславича, пострадавшая за верность браку. После изгнания из Смоленска жила в Торжке, где князь Юрий Святославич, воспылав страстью, убил её мужа и пытался овладеть ею. Защищаясь, Иулиания ранила насильника, после чего была зверски убита – ей отрубили конечности и бросили в реку Тверцу. Тело княгини чудесно обретоно в 1407 году, когда оно против течения приплыло к городу, сопровождаемое исцелениями. Мощи прославились многими чудесами.

Иулиания была женой Вяземского князя Симеона Мстиславича. После завоевания Смоленска Литвой они разделяли изгнание из родной земли вместе со Смоленским князем Юрием Святославичем. Великий князь Василий Московский дал им в удел город Торжок. Здесь князь Юрий прельстился красотой Иулиании и любыми путями пытался склонить ее к прелюбодеянию, но все усилия его были тщетны. Тогда во время пира Юрий убил мужа Иулиании, надеясь после этого насильно овладеть ею. Иулиания, защищаясь от насильника, ударила его ножом. Разъяренный Юрий гнался за ней с мечом, отрубил ей руки и ноги, а тело велел бросить в реку Тверцу. После этого, как пишет летописец «...бысть ему грех и студ велик и с того бежа к Орде, не терпя горького своего безчестия». Произошло это в 1406 г.

Мучимый совестью от совершенного злодеяния, Юрий нигде не мог найти покоя и в конце концов пришел в Веневский Успенский монастырь, где и провел остаток жизни в покаянии и слезах. Раскаявшийся убийца скончался в 1408 г. и стал местночтимым святым.

Весной 1407 г. больной крестьянин увидел, что по реке Тверце плывет против течения тело убиенной княгини, и услышал голос, повелевший собрать духовенство и совершить погребение тела у южных дверей Спасо-Преображенского собора города Торжка. В тот же момент больной исцелился от болезни. Воля святой мученицы была исполнена, и во время погребения многие больные чудесно исцелились. С тех пор ко гробу княгини постоянно приходили люди с верой в благодатную помощь святой.

В 1598 г. один диакон после сорокадневной молитвы и поста решил тайно открыть ее могилу. Но из гробницы вырвался огонь и ожег его лицо, так что долгое время провел он в тяжелой болезни. Голос сказал ему при этом: «Не следует видеть тело мое, пока не будет на то воли Божией!» Через два месяца диакон получил исцеление от ожога после молитв у гробницы мученицы. Святая Иулиания наказывает согрешившего, но и исцеляет от болезни после раскаяния.

В 1815 г. разбирали старый Преображенский собор, и стала видна часть гробницы. Больные, касавшиеся ее, получали исцеления. 2 июня 1819 г. в соборе был устроен придел

в честь святой княгини. Драгоценная рака с мощами ее пребывала в новом Преображенском соборе. В 1918 г. собор закрыли. До 1930 г. мощи покоились в храме Архангела Михаила. С тех пор судьба их неизвестна.

Пречистая Матерь Господа даровала святым женам Руси благодать и силу в исполнении закона материнства во всей его красоте, любви и самоотверженности. Такое материнство возможно на земле лишь при хранении святыни брака – образа единства супругов в любви. К восстановлению этого единства и была призвана Святая Русь. Недаром одной из главных черт древнерусской женской праведности было хранение целомудрия христианского брака как великого Таинства Церкви. Не девственница, а целомудренная жена воспета православной Русью. Благоверные княгини – прежде всего верные жены и помощницы мужу в его трудах.

Хранение святыни брака – один из величайших подвигов человека, и темные силы любыми средствами пытаются разрушить всякий брак, в котором супруги приближаются к восстановлению единства, явленного в жизни святых Петра и Февронии Муромских.

Святая Иулиания – хранительница и защитница целомудрия. Но целомудрие – один из трех обетов, которые дают при монашеском постриге (два других – послушание и нестяжание). Поэтому она является помощницей всем, кто проводит монашескую жизнь в миру.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-iulianija-vjazemskaja>

Тропарь праведной Иулиании Новоторжской, глас 2

Благочестно в законе поживши/ и благими дела украсившись,/ яко крепкий адамант, явися,/ целомудренная святая благоверная княгине Иулиание,/ тленную славу и добротство телесное презревши,/ злокозненного врага победила еси,/ целомудрия ради мученическую смерть прияла еси./ Сего ради от Христа Бога нетленным и вечным венцем венчавшись,/ ныне с лики мученик ликуеши/ и нам велия чудеса, приходящим ко гробу твоему,/ обильно источавши./ Темже ти вопием:/ молися Христу Богу о всех нас,/ верою и любовью страдания твоя почитающих.

Кондак праведной Иулиании Новоторжской, глас 2

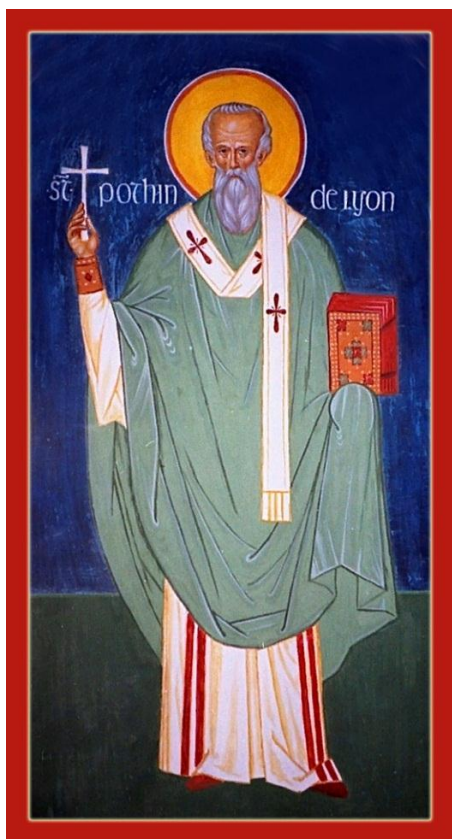
Воспоем днесь Благодетеля всех Бога,/ прославльшаго в России Иулианию Богомудрую,/ да молитвами ея подаст душам нашим/ грехов оставление и велию милость.

Священномученик Пофин Лионский, епископ

Св. Пофин Лионский (II в.) — епископ Лиона, пострадавший во время гонений Марка Аврелия. В 177 году 90-летний старец был арестован вместе с другими христианами. После жестоких пыток, во время которых мужественно исповедовал веру, умер в тюрьме от полученных ран.

Мученичество сорока трёх человек за Христа в Лионе (Лугдуне), одном из главных городов римской провинции Галлия совершилось в 177 году. В том же году церкви Лиона и Виенны составили письмо церквям в Азии и Фригии о мужестве и стойком исповедании галльскими христианами своей веры, которое является первым документальным свидетельством о христианстве на территории современной Франции. Это письмо, дошедшее до нас в изложении Евсевия Памфила, предположительно принадлежит перу известного церковного апологета и богослова священномученика Ириния, преемника священномученика Пофина на Лионской кафедре, и представляет главный источник сведений о мучениках.

Письмо описывает гонения на христиан Галлии во время предстоятельства в Римской Церкви епископа Елевферия и царствования императора Марка Аврелия, когда язычники

не пускали христиан в дома, в бани, на рынок, им было запрещено показываться на людях, а чернь избивала их на улицах. По приказу трибуна и городских властей христиан вывели на площадь и допросили перед народом. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата, который обошёлся с ними с жестокостью.

Среди христиан обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству, другие страшились его. При этом каждый день хватали всё новых христиан, забирая самых деятельных и ревностных. Между испугавшихся пыток нашлись лжесвидетели, обращая на верных ещё больший гнев народа своими наветами. Христиане подверглись страшным пыткам, особенно диакон из Виенны Санкт, недавно крестившийся Матур, Аттал-пергамец и юная рабыня Бландина. Их непоколебимое исповедание веры оставляло мучителей бессильными, так как истерзав тела мучеников и превратив их в «сплошную зияющую рану» они не могли вырвать у них отречения. Исповедала Христа под пытками и ранее нетвердая Библиада, отказавшись оговаривать христиан.

Стойкость мучеников сподвигла мучителей на новые козни: «Заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и

прочие мучения». Многие умерли, задохнувшись в тюрьме, освобожденные Господом. Другие, которые, казалось, не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме и уговаривали и утешали других. Новички же часто не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме.

Епископ Лионский Пофин, ученик Поликарпа Смирнского, телесно слабый старец которому было за девяносто, укрепился духом ревности и жадой мученичества и сам явился к судье. Огромная толпа всячески избивала и забрасывала его камнями, думая, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух.

В это время проявилась разница между исповедниками и отрекшимися, которые также содержались в тюрьме по обвинению в убийствах и разврате. Если первые шли веселые, то последние были понурыми и приниженными, что укрепляло остальных в исповедании веры. Исповедников бросили в амфитеатре зверям, но им они снискали разные венки — Матур и Санкт прошли весь круг бичеваний, предания зверям, поджаривания заживо на железном колесе и заколания; подвешенную на столбе Бландину не тронули звери и она снова была брошена в тюрьму; участь Аттала, как римского гражданина, была отсрочена до суждения кесаря. Благодаря исповедникам большинство отступников тогда вернулось к вере, и с воодушевлением пошло на новые допросы, объявляя себя христианами.

Через некоторое время пришёл ответ кесаря, гласивший: исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить. Тогда как раз начиналось собрание провинциалов, на которое сходились представители ото всех племен, и легат превратил выход мучеников к трибуне в театральное зрелище для толпы. Тут он опять их допрашивал: римским гражданам велел отрубить головы, а остальных бросить зверям. Вопреки ожиданию язычников, немало недавних отступников, которых допрашивали особо, обещая освобождение, прославляли Христа. К мученикам присоединился фригиец-врач Александр, прошедший поприще в амфитеатре вместе с Атталом. Понтик, мальчик пятнадцати лет, был искушаем и пытаем

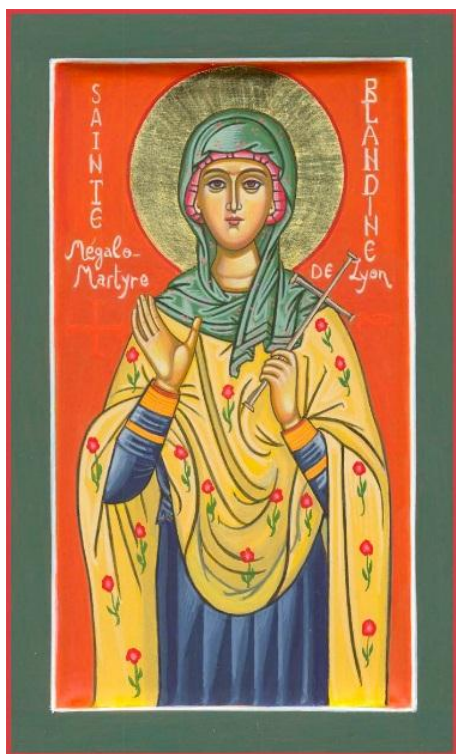
вместе с Бландиной и испустил дух, выдержав все испытания. Святая Бландина же, последняя из всех, скончалась претерпев больше всех – её бичевали, оставляли зверям, бросали на раскаленную сковороду и, наконец, посадили в ивовую корзину и бросили быку.

Не успокоившись, язычники стали издеваться над мертвыми телами. Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно стерегли днем и ночью, чтобы никто из наших не похоронил их. Выбросили то, что осталось от огня и звериных зубов: истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ – все это много дней подряд оставалось без погребения и бдительно охранялось. Язычники либо скрежетали зубами ища мести, либо восхваляли идолов, либо укоряли христиан, говоря «Где же их Бог? Какая им польза от их веры, за которую они отдали жизнь?» Сами же верные печалились, ибо не могли предать земле тела, остававшиеся шесть дней под открытым небом. Затем язычники их сожгли и смели пепел в реку Родан, чтобы изгладить их след. Они это делали в расчете победить Бога и отнять у них возрождение «чтобы и надежды у них не было на воскресение, поверив в которое, они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук».

Лионские мученики, претерпевшие столь многочисленные пытки, не только сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть, и, если кто в письме или разговоре обращался к ним: «Мученики», они горько его упрекали, видя истинного Мученика в Христе, а также в прежде отошедших мучениках, говоря: «Вот они, мученики: Христос удостоил принять их при исповедании, запечатлев смертью их свидетельство, а мы просто исповедники ничтожные». Они слёзно просили братьев усиленно молиться, чтобы им устоять до конца, проявляя на деле силу мученичества в смелости, терпении, бесстрашии и твердости. Они молились за своих палачей, подобно первомученику Стефану, а также не превозносились над отрёкшимися, но молились о даровании им веры и жизни во Христе.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-pofin-lionskiy>

Мученики Бландина и Понтик Лионские

Мученичество сорока трёх человек за Христа в Лионе (Лугдуне), одном из главных городов римской провинции Галлия совершилось в 177 году. В том же году церкви Лиона и Виенны составили письмо церквям в Азии и Фригии о мужестве и стойком исповедании галльскими христианами своей веры, которое является первым документальным свидетельством о христианстве на территории современной Франции. Это письмо, дошедшее до нас в изложении Евсевия Памфила, предположительно принадлежит перу известного церковного апологета и богослова священномученика Ириния, преемника священномученика Пофина на Лионской кафедре, и представляет главный источник сведений о мучениках.

Письмо описывает гонения на христиан Галлии во время предстоятельства в Римской Церкви епископа Елевферия и царствования императора Марка Аврелия, когда язычники не пускали христиан в дома, в бани, на рынок, им было запрещено показываться на людях, а чернь избивала их на улицах. По приказу трибуна и городских властей христиан вывели на площадь и

допросили перед народом. Они исповедали свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата, который обошёлся с ними с жестокостью.

Среди христиан обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству, другие боялись его. При этом каждый день хватали всё новых христиан, забирая самых деятельных и ревностных. Между испугавшихся пыток нашлись лжесвидетели, обращая на верных ещё больший гнев народа своими наветами. Христиане подверглись страшным пыткам, особенно диакон из Виенны Санкт, недавно крестившийся Матур, Аттал-пергамец и юная рабыня Бландина. Их непоколебимое исповедание веры оставляло мучителей бессильными, так как истерзав тела мучеников и превратив их в «сплошную зияющую рану» они не могли вырвать у них отречения. Исповедала Христа под пытками и ранее нетвердая Библиада, отказавшись оговаривать христиан.

Стойкость мучеников сподвигла мучителей на новые козни: «Заключение в мрачные, очень суровые тюрьмы, растягивание ног на деревянной доске до пятой дыры и прочие мучения». Многие умерли, задохнувшись в тюрьме, освобожденные Господом. Другие, которые, казалось, не смогут выжить даже при самом тщательном уходе, продолжали жить в тюрьме и уговаривали и утешали других. Новички же часто не выносили тяжести заключения и умирали в тюрьме.

Епископ Лионский Пофин, ученик Поликарпа Смирнского, телесно слабый старец которому было за девяносто, укрепился духом ревности и жадой мученичества и сам явился к судье. Огромная толпа всячески избивала и забрасывала его камнями, думая, что таким образом они мстят за своих богов. Пофина, едва дышавшего, бросили в тюрьму, и через два дня он испустил дух.

В это время проявилась разница между исповедниками и отрекшимися, которые также содержались в тюрьме по обвинению в убийствах и разврате. Если первые шли веселые, то последние были понурыми и приниженными, что укрепляло остальных в исповедании веры. Исповедников бросили в амфитеатре зверям, но им они снискали разные венки – Матур и Санкт прошли весь круг бичеваний, предания зверям, поджаривания заживо на железном колесе и заколания; подвешенную на столбе Бландину не тронули звери и она снова была брошена в тюрьму; участь Аттала, как римского гражданина, была отсрочена до суждения кесаря. Благодаря исповедникам большинство отступников тогда вернулось к вере, и с воодушевлением пошло на новые допросы объявляя себя христианами.

Через некоторое время пришёл ответ кесаря, гласивший: исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить. Тогда как раз начиналось собрание провинциалов, на которое сходились представители ото всех племен, и легат превратил выход мучеников к трибуне в театральное зрелище для толпы. Тут он опять их допрашивал: римским гражданам велел отрубить головы, а остальных бросить зверям. Вопреки ожиданию язычников, немало недавних отступников, которых допрашивали особо, обещая освобождение, прославляли Христа. К мученикам присоединился фригиец-врач Александр, прошедший поприще в амфитеатре вместе с Атталом. Понтик, мальчик пятнадцати лет, был искушаем и пытаем вместе с Бландиной и испустил дух выдержав все испытания. Святая Бландина же, последняя из всех, скончалась претерпев больше всех – её бичевали, оставляли зверям, бросали на раскаленную сковороду и, наконец, посадили в ивовую корзину и бросили быку.

Не успокоившись, язычники стали издеваться над мертвыми телами. Тела задохнувшихся в тюрьме выбросили собакам и старательно стерегли днем и ночью, чтобы никто из наших не похоронил их. Выбросили то, что осталось от огня и звериных зубов: истерзанные, обугленные куски, а также головы и обрубки туловищ – все это много дней подряд оставалось без погребения и бдительно охранялось. Язычники либо скрежетали зубами ища мести, либо восхваляли идолов, либо укоряли христиан говоря «Где же их Бог? Какая им польза от их веры, за которую они отдали жизнь?» Сами же верные печалились, ибо не могли предать земле тела, остававшиеся шесть дней под открытым небом. Затем язычники их сожгли и смели пепел в реку Родан, чтобы изгладить их след. Они это делали в расчете победить Бога и отнять у них возрождение «чтобы и надежды у них не было на

воскресение, поверив в которое, они вводят странную новую веру, презирают пытки и готовы с радостью идти на смерть. Посмотрим, воскреснут ли они и сможет ли их Бог помочь им и вырвать из наших рук».

Лионские мученики, претерпевшие столь многочисленные пытки, не только сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть, и, если кто в письме или разговоре обращался к ним: «Мученики», они горько его упрекали, видя истинного Мученика в Христе, а также в прежде отошедших мучениках, говоря: «Вот они, мученики: Христос удостоил принять их при исповедании, запечатлев смертью их свидетельство, а мы просто исповедники ничтожные». Они слёзно просили братьев усиленно молиться, чтобы им устоять до конца, проявляя на деле силу мученичества в смелости, терпении, бесстрашии и твердости. Они молились за своих палачей, подобно первомученику Стефану, а также не превозносились над отрёкшимися, но молились о даровании им веры и жизни во Христе.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/svv-blandina-lionskaya-pontik-lionskiy>